

На черной лестнице печальной

ПОСЛЕ
РЕМОНТА
СТАЛО ЧИЩЕ
И СВЕТЛЕЕ

Достоевский — автор, уж конечно, не парадного Петербурга. Его стихия — это грязные улицы, бедные квартиры, углы в причердачных каморках. И лестницы — не мраморные, крытые красными дорожками, по которым спускаются сиятельные особы. Нет — лестницы убогие, темные, пахнущие нищетой. Одним словом — черные лестницы. На такой вот и бился в припадке князь Мышкин, увидав горящие глаза Парфена Рогожина и блеск ножа в его руке.

Была такая, разумеется, и в доме, где провел последние свои годы Федор Михайлович и где ныне — Музей Достоевского. Парадоксально вот что: совсем недавно эта черная лестница сделалась белой.

В МИНУВШЮЮ ПЯТНИЦУ на ней завершили ремонтные работы. Музею помогли норвежские владельцы одного нового питерского отеля — кстати, носящего имя самой трогательной героини Достоевского. На стенах гостиницы, рассказали нам, висят цитаты из книг классика и фрагменты «Сикстинской мадонны» Рафаэля — в каждом номере. Так постояльцы причащаются атмосферы писателя.

Конечно, пошлый ум найдет что-то двусмысленное в том, что отель зовется именем девушки с желтым билетом, и усмехнется по-свидригайловски. Но мы, как Раскольников, будем смотреть сквозь внешние покровы. И увидим, что люди-то действительно добрые: помогли музею совершенно бескорыстно. Сотрудники отеля собственноручно прибрали на лестнице строительный мусор и помыли ее абсолютно добровольно; и сам директор оттирал окно тряпочкой. Впрочем, у норвежцев давняя и добрая традиция сотрудничества с Музеем Достоевского: Правительство королевства сделало дар музею, профинансировало осветительное и звуковое оборудование для открывавшегося театра музея, а Общество друзей Музея Достоевского из Осло в течение 10 лет устраивало совместные проекты.

С тряпкой и в перчатках — Соня Мармеладова в исполнении Алины Михайловой.

— Достоевского можно сравнить с Кнутом Гамсуном, — может быть, в этом причина любви норвежцев к русскому писателю. При всей несхожести их судьбы в Достоевском есть что-то, внятное норвежскому сознанию, — предположил господин Руно Осхейм, генеральный консул Норвегии в Санкт-Петербурге.

Все вышли на лестницу. Она и правда оказалась светлой и чистой — ну, насколько может быть такой лестница Достоевского. Пахло побелкой. У окна, пролетом выше, стояла фигура и смотрела в окно. Вдруг полилась музыка — и фигура начала танец. Стало совершенно ясно, что это Сонечка Мармеладова: такое смирение было в чертах ее. Она натянула перчатки, взяла тряпку — и драила, и скоблила перила и ступени, прямо в танце. Так музей сказал спасибо своим благодетелям. А Соню Мармеладову играла Алина Михайлова, премированный авангардный танцор и артистка ФМД-театра при музее.

— Это была практически импровизация, экспромт, — сказала она мне после.

— А при Федоре-то Михайловиче лестница, должно быть, всегда была чистой, — подумал я вслух.

— При Федоре Михайловиче тут были, извините, туалеты, — поправила меня заместитель директора Музея Достоевского по творческим проектам Вера Бирон. — Да и в последнее время у нас все было вполне исторично — особенно учитывая, что лестница вполне жилая, с квартирами. И не во всех квартирах — благополучные жильцы. Зато теперь у нас появилось новое выставочное пространство. Пока еще не решили, что будем здесь располагать. Когда-то была идея как-нибудь красиво расписать всю лестницу. Теперь-то директор музея Наталья Ашимбаева, конечно, не разрешит чистые стены размалевывать. Но можно будет вешать картины. Что-нибудь придумаем.

— Будем ждать, — согласился я, а сам подумал: «Все-таки черную лестницу Достоевского — и сделать белой! Отошли, отошли от исторической правды».

Федор ДУБШАН, фото Сергея КНЯЗЕВА и Чарльза АББОТТА

Черной лестницей при Федоре Михайловиче пользовалась в основном прислуга.

КИНОТОЧКА

«Во имя моего отца... Дальше забыла...»

МАЧЕТЕ КОРТЕС (Дэнни Трехо), большой мексиканец с татуированным телом, бывший федеральный агент, борется в США против полубезумного сенатора-националиста Маклафлина (Роберт Де Ниро), которого спонсирует мексиканский наркобарон (Стивен Сигал) — последний к тому же когда-то отрубил голову жене главного героя. То есть между ними, понятное дело, много напряжения и много прочих действующих лиц: глава нелегальной «паутины» США роковая женщина Лус (Мишель Родригес), нечистый на руку и мысли бизнесмен Бут (Джефф Фейи), его дочь-шлюха Эйприл (Линдсей Лоэн), предприимчивый священник (Чич Марин) и очаровательный агент миграционной службы Саргана (Джессика Альба). Как они все связаны друг с другом, каковы их основные задачи и цели — не столь важно. Насколько логично их поведение, все ли гладко в сценарии — к черту, к черту. Важно, что противостояние хороших (героически хороших) и плохих (демонически плохих) обставлено максимально эффектно; не говоря уже о том, как совершенно владеет главный герой всеми видами холодного оружия, включая садовые инструменты.

Бесстыдство, с которым Родригес играет в кино, на этот раз переходит все границы. Здесь расстреливают беремен-

Дэнни Трехо виртуозно владеет всеми видами холодного оружия.

«Мачете». США, 2010. Режиссер — Роберт Родригес. ролях: Дэнни Трехо, Роберт Де Ниро, Стивен Сигал, Джессика Альба, Линдси Лоэн.

ную женщину. Вместо каната используют прямую кишку, вывалившуюся из распоротого живота. Эффектные медсестры в коротких белых халатах поливают из пулеметов противника. Священник держит под сутаной пистолеты. Раритетные машины, на которых нелегалы отправля-

ЛИТРЫ КРОВИ, ХРУСТ КОНЕЧНОСТЕЙ, ЧЕРЕПА РАЗЛЕТАЮТСЯ КАК ЦВЕТОЧНЫЕ ГОРШКИ... ФИЛЬМ «МАЧЕТЕ» «ВЫШЕЛ» ИЗ ПСЕВДО-ТРЕЙЛЕРА, СНЯТОГО РОДРИГЕСОМ ДЛЯ ФИЛЬМА КВЕНТИНА ТАРАНТИНО «ГРАЙНДХАУС»

ются в крестовый поход против несправедливости, гарцуют, как иноходцы. Стивен Сигал пафосно делает себе характеры. Линдсей Лоэн большую часть экранного времени проводит совершенно голая, а в конце появляется в костюме монахини и произносит, стреляя в сердце сенатору: «Во имя моего отца... Дальше забыла...» Все происходит так быстро, что задуматься нет времени, а надо бы.

О том, в частности, что Родригес, очевидно, намеревался сделать политическую сатиру, но слишком увлекся изучением и прославлением штампов B-movie. Чувство юмора — это прекрасно, но в который уже раз в его фильме нет ничего, кроме собственно пародии. Повторение пройденного, должно быть, нужно для каких-то целей. Хотелось бы уже понять — для каких. Правда, все равно жутко весело.

Инга БЕРГМАН